Раскольников

Библиотечка революционных приключений

МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ

17 1926 г. „Рабочая Москва"

БИБЛИОТЕЧКА ооооо
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 17

Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ

(На октябрьских фронтах)

„РАБОЧАЯ МОСКВА“
1926

Мосгублит № 12.534

Отпечатано в шестой типографии Транспечати в количестве 10.500 экземпляров.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

На Октябрьских фронтах.

1. Смольный.

Во время лекции в цирке „Модерн“, 20 октября, я сильно простудился и слег в постель.

— „Поздравляю, революция началась! Зимний дворец взят, и весь Петроград в наших руках“!— возвестил мне утром 26 октября один из товарищей, входя в мою комнату.

Я тотчас вскочил на ноги, мысленно послал к чорту лечение и с чувством физического недомогания, еще с повышенной температурой, устремился в Смольный. Главный штаб пролетарской революции был многолюден, как никогда. Несмотря на упоение первыми победами, все участники Октябрьского переворота живо чувствовали, что революция еще только начинается и предстоит тяжелая борьба. Керенский бежал на фронт,—ясно, что он не успокоится и постарается мобилизовать полки, оторванные от бурного кипения всей остальной революционной России. Наконец, можно было ожидать белогвардейской попытки восстания изнутри. Поэтому всем революционерам, способным владеть оружием, приходилось готовить патроны. Этими боевыми приготовлениями больше всего и были озабочены толпы рабочих и солдатских представителей, наводнявших Смольный.

Весь Смольный был превращен в боевой лагерь. Снаружи, у колоннады—пушки, стоящие на позициях. Возле них пулеметы. Пулемет внутри, с дулом, направленным в проходную дверь. Почти на каждой площадке, все те же „Максимы", похожие на игрушечные пушки. И по всем коридорам—не тот ищущий, надоедливый, плетущийся шаг просителей, к которому привыкли стены Смольного, а быстрая, громкая, веселая поступь солдат и рабочих, матросов и агитаторов. Волны революционного прибоя вливались в широкое устье под'езда, дробились по этажам, разбегались направо и налево по огромным прямым коридорам, рассачивались по сотням комнат, чтобы, соединившись с кем-то нужным по телефону, найдя искомую справку, получив инструкцию, связавшись с соседним революционно-боевым участком, опять вернуться в общее русло и, помахивая невысохшим, на лету подписанным мандатом, хлопнув ни на минуту не закрывающейся дверью, перескочив через три ступеньки мраморного крыльца, броситься на верховую лошадь, на подножку перегруженного грузового автомобиля, или в бархатное комфортабельное купе закрытого Фиата, готового нести своих случайных, в трепанные шинели и кожаные куртки одетых пассажиров по покрытым жидкою грязью улицам Питера во все концы пролетарской столицы.

По этим же длинным коридорам едва слышно уже стелились неясные слухи о приближении к Питеру верных временному правительству войск. В городе обывательская молва уже творила чудовищные легенды о близкой и неминуемой гибели новой власти, и эти фантастические слухи, молниеносно разносившиеся по всему городу, опьяняли надеждой всю контр-революцию и в первую очередь белогвардейски настроенных юнкеров. Контр-революционная моло-

дежь военно-учебных заведений и два казачьих полка, квартировавших в Питере, сосредоточивали на себе самое пристальное внимание, как огнеопасные самовоспламеняющиеся реторты внутреннего мятежа.

По лестнице, красневшей нашими плакатами и лозунгами, я поднялся в верхний этаж и, повернув по коридору направо, в одной из боковых комнат нашел товарища В. А. Антонова-Овсеенко. Он сидел, низко склонившись над столом, водя близорукими глазами почти вплотную по бумаге, и что-то бегло писал. Густые и длинные, с легкой проседью волосы свешивались ему на лоб, иногда нависали на глаза, и он часто отбрасывал их назад быстрым, нетерпеливым жестом руки. Окончив свою краткую записку, один из бесчисленных приказов, которые ему пришлось собственноручно написать и подписать в эти исторические дни,—он порывисто вскочил и сам побежал ее передавать кому-то для отправки. На ходу поправляя очки, он поздоровался со мною. Его утомленные глаза говорили о нервной напряженности работы и выдавали нечеловеческую усталость от бессонных ночей.

— А, здравствуйте, хорошо, что вы пришли, а то я уже начинал думать... и, не договорив шутливой фразы, он потушил улыбку в кончиках книзу опущенных усов.

Неожиданно вошел тов. Ленин. Он был без усов и без бороды, сбритых во время нелегального положения, что, впрочем, не мешало его узнать с первого взгляда. Он был в хорошем настроении, но казался еще более серьезным и сосредоточенным, чем всегда. Коротко переговорив с тов. Антоновым, Владимир Ильич вышел из комнаты.

Вошел запыхавшийся и раскрасневшийся от мороза Бонч-Бруевич.

— В воздухе пахнет погромами. У меня на них особое чутье: сейчас на улицах определенно пахнет погромами. Надо принять необходимые меры, разослать патрули.

Вернулся Ильич. Спросил на лету, как бы между прочим:

— Какие меры вы приняли бы по отношению к буржуазной печати?

Этот вопрос застал меня врасплох. Тем не менее, быстро собравшись с мыслями, я ответил в духе одной из статей Владимира Ильича, как раз незадолго прочитанной в „Крестах", что, по-моему, прежде всего следует подсчитать запасы бумаги и затем распределить их между органами разных направлений, пропорционально количеству их сторонников; тогда я не учел, что это была мера, предлагавшаяся во время режима Керенского и теперь, после революции, уже устаревшая. Ленин ничего не возразил и снова ушел.

В это время откуда-то получилось известие о наступлении на Питер самокатчиков. Военно-Революционный Комитет командировал меня встретить их отряд, раз'яснить положение и призвать его к соединению с восставшими рабочими и солдатами Питера. Предполагалась торжественная встреча, чтобы сердечным товарищеским приемом расположить их в нашу пользу. В соседней комнате, где уже обосновалась канцелярия, был от руки написан на бланке Военного отдела Исполкома Петросовета следующий мандат: „Военно-Революционный Комитет делегирует тов. Раскольникова для встречи войск, прибывающих с фронта, на Варшавский вокзал и назначает его комиссаром прибывающих войск". Мандат подписал тов. Н. Подвойский.

Я направился на Варшавский вокзал и в пассажирском поезде скоро добрался до Гатчины. Здесь никаких самокатчиков не было. Тогда, в поисках этих таинственных самокатчиков, я пошел на Гатчинский вокзал Балтийской железной дороги. Подходя к вокзалу, я заметил пару круживших в небе аэропланов Гатчинской авиошколы. Но на путях было пусто. У железнодорожного сторожа я осторожно позондировал почву насчет проходивших эшелонов. Он спокойно ответил, что никаких воинских поездов в сторону Петрограда не проходило. На товарной и пассажирской станциях тоже никто не имел никакого понятия о движении войск. Вся Гатчина произвела на меня впечатление более, чем мирного, просто сонного городка. Тревога оказалась ложной. Прождав около часу, я на первом попутном поезде уже в сумерки вернулся в Питер. Сделав отчет о результатах поездки, я поспешил в большой актовый зал, на заседание С'езда Советов. В зале ярко горели все люстры и боковые огни. И первое, что бросилось в глаза, это специфически-народный, рабоче-крестьянский состав с'езда.

В то время как на заседаниях меньшевистско-эсерского Совета и на первом С'езде Советов „выпирала" интеллигенция, блестели погоны офицеров и военных врачей, раздавались иностранные слова и парламентские обороты; здесь была однообразная черно-серая масса рабочих пальто и, пестревших защитными пятнами, солдатских шинелей. Я никогда не видел более демократического собрания.

В перерыве, прогуливаясь с Семеном Рошалем по одному из бесконечных коридоров, я заметил, что он обменялся поклоном с товарищем, носившим черные усы и небольшую остроконечную бороду.

— Кто это?—невольно спросил я, первый раз видя товарища, которому любезно поклонился Рошаль.

— Как, ты не узнаешь? Да ведь это тов. Зиновьев.

Я был поражен необычайным изменением наружности тов. Зиновьева. В то время как бритая внешность Ленина все-же с первого взгляда обнаруживала его знакомые черты, Зиновьев был буквально неузнаваем. Встретясь с ним в таком виде на улице, я бы ни за что не узнал его.

2. Фронт не защищен.

27 октября я явился в штаб Петроградского военного округа. Здесь главная работа сосредоточивалась в руках Чудновского. С рукой на перевязи от полученной на фронте раны, нервный, необычайно подвижной, он ни одной минуты не оставался в покое. Едва подписав какую-нибудь бумагу, он спешил к телефону или бросался к ожидавшим его посетителям. Чудновский был героем революции, рыцарем без страха и упрека. Чудновский, не переставая быть вдумчивым и осторожным работником партии, никогда не терял свою трезвость и уравновешенность политического бойца, он вместе с тем горел каким-то романтическим чувством. Всю жизнь я буду помнить лицо Чудновского, бледное от непрестанного внутреннего сгорания, с капельками пота на высоком лбу, еще не успевшем остыть от творческого жара, измученное и счастливое. Как известно, впоследствии, в 1918 г., тов. Г. И. Чудновский геройски погиб на южном фронте.

Утром 27-го мне нужно было узнать у тов. Чудновского положение на фронте, где, по слухам, Керенский формировал экспедиционный корпус для похода на Петроград. Но в штабе округа, как и в Смольном, точных сведений еще не было. Какой-то молодой офицер Измайловского полка уславливался с тов. Чудновским относительно своей поездки в Гатчину. Он командировался туда для выяснения военной обстановки и для организации гатчинской обороны. Ему предстояло немедленно выехать; автомобиль уже был приготовлен. Меня тоже тянуло на боевой фронт; в Питере, как мне казалось, нечего было делать. Мы отправились за Нарвскую заставу и мимо Путиловского завода поехали в Гатчину.

Странное впечатление производил мой спутник: по внешности, по кругозору он был типичный гвардейский поручик старорежимных времен, что, однако, не помешало ему с головой окунуться в революцию в жажде кипучей работы. Неизвестно, чем именно, и с какой стороны захватило его движение. Вероятнее всего дело решил простой случай. С таким же увлечением он мог бы работать и на стороне белогвардейцев. Но было что-то детски наивное в этом служении пролетарской революции молодого, изящного офицерика, который, едва сознавая смысл происходящих событий, до самозабвения работал против своего собственного класса. Такие славные оригиналы, выходцы из чуждого нам класса, встречались тогда редкими одиночками.

Возле Красного Села выбежавшие на дорогу солдаты знаками остановили автомобиль. Тов. Левенсон, „межрайонец"-интеллигент, руководивший большевистским движением в Красном Селе и в частности в 176-м запасном полку, где он служил вольноопределяющимся, подошел к нам и сообщил о занятии

Гатчины войсками временного правительства. В Красном Селе наших войск не было, если не считать местного 176 запасного полка, целиком стоявшего на страже Октябрьской революции и в любой момент готового вступить в бой с бандами Керенского.

Кроме постоянных красносельских партийных, советских и полковых организаций, здесь не было никакого штаба, способного принять на себя руководство военными операциями в сколько-нибудь широком масштабе. По совету тов. Левенсона, мы направились в Царское Село, где всего естественнее было ожидать хотя бы подобия оперативного центра. Но там тоже еще не было никакой организации. В местном военном штабе одиноко сидел полковник Вальден, симпатичный пожилой офицер, отдававший по телефону свои, едва ли исполнявшиеся, приказания. Полученное на войне тяжелое ранение ноги позволяло ему передвигаться только опираясь на палку. Тов. Вальден был одним из первых военспецов, честно послуживших Советской власти. Его имя не пользовалось широкой известностью ни до, ни после Октябрьской революции. Но в самый тяжелый ее момент, когда нас преследовали временные неудачи, угрожавшие погубить все дело, этот скромный военный работник самоотверженно и бескорыстно пришел нам на помощь своими военными знаниями и всем боевым опытом штаб-офицера.

Но в тот момент мы застали тов. Вальдена одного: вокруг него не было абсолютно никакой организации. Оставив ему в помощь измайловского офицера, я в автомобиле тов. Ульянцева вернулся для доклада в Питер. Тов. Ульянцев, матрос-кронштадтец, старый каторжанин, был в Царском Селе по поручению военной организации и теперь возвращался в Питер. Мы ехали в темноте, в атмосфере пронизывающей серой слякоти, под частой сеткой скучного дождя.

Противная погода и невеселые сведения, собранные в Красном и Царском Селах, не располагали к оптимизму, но мы оба не теряли уверенности в том, что таинственный завтрашний день даст победу русскому пролетариату. Тов. Ульянцев, вообще большой энтузиаст, нисколько не сомневался в будущем, хотя от его внимания, конечно, не ускользали дефекты нашей организации. Трагична была дальнейшая судьба тов. Ульянцева. В 1919 году, когда в тылу буржуазно-националистического муссаватского Азербейджана, на Мугани образовалась Советская власть, тов. Ульянцев был одним из самых активных руководителей. Незадолго до падения Мугани тов. Ульянцев, командовавший Красными войсками, доблестно погиб на поле сражения в борьбе за мировую революцию.

После получасовой езды наш автомобиль остановился у штаба военного округа. Несмотря на поздний час, все окна были ярко освещены. В одной из комнат этого обширного военно-чиновничьего дома происходило заседание активных работников „военки" под председательством тов. Н. И. Подвойского. Мы с Ульянцевым сделали доклад о безрадостном положении на фронте. Тотчас были приняты решения о срочной отправке броневиков. Одновременно, ввиду недостаточности этой меры, было постановлено ускорить формирование рабочих отрядов и отправление на фронт рабочих полков.

3. Ильич на боевом посту.

Едва кончилось заседание, как я был вызван т. Лениным.

Владимир Ильич сидел в большой комнате штаба округа, на конце длинного стола, который обычно покрывался зеленым или красным сукном, но сейчас

зиял своей грубой деревянной наготой. Это придавало всей комнате нежилой, неуютный вид обиталища, только-что брошенного своими хозяевами. Кроме Ленина, в этой пустой и унылой комнате находился Троцкий. На столе перед Ильичем лежала развернутая карта окрестностей Питера.

— Какие суда Балтийского флота вооружены крупнейшей артиллерией?—с места в карьер атаковал меня Владимир Ильич.

— Дредноуты типа „Петропавловск". Они имеют по двенадцати двенадцати-дюймовых орудий в 52 калибра, в башенных установках, не считая более мелкой артиллерии.

— Хорошо,—едва выслушав, нетерпеливо продолжал Ильич: — если нам понадобится обстреливать окрестности Петрограда, куда можно поставить эти суда? Можно ли их ввести в устье Невы?

Я ответил, что, ввиду глубокой осадки линейных кораблей и мелководья Морского канала, проводка столь крупных судов в Неву невозможна, так как эта операция имеет шансы на успех лишь в исключительно редком случае весьма большой прибыли воды в Морском канале.

— Так каким же образом можно организовать оборону Петрограда судами Балтфлота? — спросил тов. Ленин, пристально глядя на меня и настораживая свое внимание.

Я указал, что линейные корабли могут стать на якорь между Кронштадтом и устьем Морского канала примерно на траверзе Петергофа, где, помимо непосредственной защиты подступов к Ораниенбауму и Петергофу, они будут обладать значительным сектором обстрела в глубь побережья. Тов. Ленин не удовлетворился моим ответом и заставил меня показать на карте примерные границы секторов, об-

стрела разнокалиберной артиллерии. Только после этого он несколько успокоился.

Вообще, в этот день Владимир Ильич был в необычайно повышенном нервном состоянии. Занятие Гатчины белогвардейцами, видимо, произвело на него сильное впечатление и внушило ему опасения за судьбу пролетарской революции. В течение всей беседы тов. Троцкий не проронил ни слова.

— Позвоните по телефону в Кронштадт,—обратился ко мне тов. Ленин,—и сделайте распоряжение о срочном формировании еще одного отряда кронштадтцев. Необходимо мобилизовать всех до последнего человека. Положение революции в смертельной опасности. Если сейчас мы не проявим исключительной энергии, Керенский и его банды нас раздавят.

Я попытался вызвать Кронштадт, но ввиду позднего времени не мог дозвониться. Владимир Ильич предложил мне связаться с кронштадтскими товарищами по Юзу. Мы вошли в телеграфную комнату, где неугомонно жужжали прямые провода. Облокотившись на стол одного из бесчисленных аппаратов, стоял тов. Подвойский. Мы подошли к нему. Мысли невольно были устремлены на фронт, где сейчас решалась судьба революции. После известия о взятии Керенским Гатчины, никаких существенных сообщений с боевого фронта не поступало. Падение Гатчины всеми переживалось тяжело. Однако, все знали, что в ближайшие дни необходимы безграничное напряжение, колоссальная работа по организации стойкого вооруженного сопротивления, массовый уход на фронт всех боеспособных элементов Питера и окружающих его городов.

— Да, теперь положение таково, что либо они нас, либо мы их будем вешать,— сказал тов. Подвойский.

Никто ему не возражал.

Моя попытка связаться с Кронштадтом по прямому проводу также не увенчалась успехом.

— Ну, хорошо, вот что,—ответил мне Владимир Ильич, когда я доложил ему об этом:—поезжайте завтра утром в Кронштадт и сами сделайте на месте распоряжения о немедленном сформировании сильного отряда с пулеметами и артиллерией. Помните, что время не терпит. Дорога каждая минута...

4. Кронштадтский отряд.

Ранним утром 28 октября я был в Кронштадте. Пустынные улицы этого казарменного города обнаруживали, что Питер и Гатчинский фронт уже выкачали из Кронштадта значительную массу бойцов.

В Кронштадтском Совете я нашел засилье левых эсеров. Пленум Совета, где огромное, подавляющее большинство состояло из членов нашей партии, в эти дни не созывался. Но его исполнительный аппарат кипуче работал. И вот, именно здесь, в виду ухода на фронт всех активных коммунистов, главными действующими лицами внезапно для самих себя очутились левые эсеры. Несмотря на то, что в Исполкоме их было меньшинство, однако в эти революционные дни они поднимали много шуму: с увлечением звонили по телефону, с горячностью отдавали какие-то распоряжения, самодовольно и не без важности разговаривали с посетителями, одним словом, пребывали в полном упоении своей новой ролью. Особенно суетились Горельников и Кудинский. Горельников, довольно полный матрос, выше среднего роста, с бритым

лицом и курчавой шевелюрой, играл роль центрального лица и распоряжался снабжением кронштадтских отрядов. Другой левый эсер, Кудинский, имел вид штабного писаря. Залихватски закрученные кверху черные усики, темные блестящие глаза, театрально накинутая шинель и высокая, заломленная на-бок папаха придавали ему кокетливый вид шоколадного солдатика. Он широко афишировал свои сборы на фронт, производил какие-то военные приготовления, именовал себя начальником отряда.

Эти полукомические персонажи не могли быть признаны благоприятными исполнителями ответственного поручения, возложенного на меня товарищем Лениным. Поэтому я решил воспользоваться своими личными связями и принялся непосредственно отдавать распоряжения по фортам.

Настроение и вооружение отдельных частей было мне достаточно хорошо известно, чтобы самостоятельно справиться с задачей и двинуть на фронт лучшие силы.

Прежде всего я позвонил на Красную Горку. К телефону подошел комиссар этого крупнейшего форта тов. Донской. Я информировал его о критическом положении на Красновском фронте и просил в срочном порядке выслать в Питер все наличные резервы, подкрепив их достаточно сильной артиллерией. Точно такое же приказание я сделал по телефону комиссару форта Ино, расположенного на финляндском берегу залива. Оба комиссара обещали в самый короткий срок снарядить соответствующие пехотно-артиллерийские отряды.

Закончив кронштадтские дела, я, не теряя ни минуты, поспешил обратно в Питер.

В Питере я прежде всего зашел на посыльное судно „Ястреб", только в этот день ошвартовавшее-

ся у набережной Васильевского Острова. На „Ястребе“ находился штаб кронштадтских отрядов. Вскоре откуда-то появился Сима Рошаль, и, захватив с собой Ярчука, мы в закрытом автомобиле поехали в Смольный.

Еще отчетливее, чем когда-либо прежде, здесь чувствовалась непосредственная близость фронта. Все дышало лихорадочной, чисто-боевой напряженностью. Вдоль выбеленных сводчатых коридоров недавнего института „благородных“ девиц сновали беспрерывные вереницы вооруженных рабочих в штатском пальто, но в полном походном снаряжении, с пулеметными лентами, крест-на-крест переплетавшими спину и грудь. Серьезная, вдумчивая сосредоточенность их напряженных лиц, непроницаемая молчаливость и судорожное сжимание винтовки—обличали тревожное, неустойчивое положение новорожденной Советской республики.

В самом деле, едва мы вошли в первую попавшуюся комнату, как нас оглушила жуткая новость: «Царское Село занято бандами Керенского-Краснова». Судьба революции подвергалась смертельной опасности. Эту новость нам сообщил тов. Н. И. Подвойский, который от волнения выглядел бледнее обыкновенного. Я прошел в следующую совершенно пустую комнату, где за единственным небольшим столом сидел согнувшись над картой тов. Н. В. Крыленко и показывал начальникам уходивших на фронт отрядов назначенные им боевые участки. Отпустив торопившихся на позиции красногвардейских командиров, Н. В. обернулся ко мне. Я рассказал ему, что с нетерпением жду кронштадтцев, чтобы вместе с ними отправиться на защиту Питера.

Тов. Крыленко снова склонился над картой окрестностей Питера и показал мне черневшую там точку: «Вот—ваше место. Это около Царскосельской железной дороги. Здесь имеется мост, который вам и придется защищать». Я предупредил главковерха, что время прибытия кронштадтцев в точности еще неизвестно, а потому до занятия ими указанных позиций в данном месте окажется зияющая брешь. Тов. Крыленко кивнул головой. Его внешний вид и с трудом повиновавшаяся ему речь свидетельствовали о нечеловеческом утомлении. Все мы в эти дни ходили и работали почти в сомнамбулическом состоянии и, вероятно, если бы взглянуть на нас со стороны, походили на полусумасшедших.

Из Смольного я возвращался на автомобиле с полковником Муравьевым, который при Керенском формировал ударные батальоны, а, впоследствии, летом 1918 года командовал Восточным фронтом, но изменил Советской власти и был убит в Симбирске. В Октябрьские дни он принимал участие в командовании красными войсками. Муравьев ехал со мной недолго—всего до Сергиевской улицы, где находилась его квартира, но все-же я успел уловить его настроение. Когда я заговорил с ним о положении на фронте у Царского, он мне ответил подавленным голосом, в тоне которого чувствовалась полнейшая растерянность и неуверенность в нашей победе: «Что ж, дела очень плохи. Вероятно, Петроград будет взят».

Ночь с 28 на 29 октября я провел у кронштадтцев, на «Ястребе». В Смольном я встретил Подвойского, который сообщил о разрастающемся восстании юнкеров и, между прочим, сказал, что у Смольного нет никакой связи со штабом округа, в виду чего он

попросил меня с'ездить туда и по телефону сообщить ему, что именно там происходит. В штабе округа, внутри под'езда стоял пулемет Максима. Около него возилась группа солдат. Я поднялся вверх по лестнице. Огромное здание, с бесконечной амфиладой комнат было совершенно пусто, как вымерший или покинутый дом. Только кое-где слонялись редкие фигуры курьеров и штабных писарей, с вялым и сумрачным видом. Никого из ответственных работников я не встретил. Я собрал нескольких писарей, посадил их за машинки, а одного, наиболее смышленого, назначил своим секретарем, и работа закипела. Откуда ни возьмись появились посетители, стали приходить начальники частей; нужно было давать им словесные указания, подписывать распоряжения или заготовлять документы. В виду близости штаба округа от телефонной станции, я ждал визита юнкеров и поэтому принял меры по обороне здания.

Вскоре ко мне явился молодой подпоручик и отрекомендовался представителем отряда, только что прибывшего с форта Ино. Он явился в штаб округа за получением инструкций. Это был один из тех отрядов, прибытия которых я ожидал с таким огромным нетерпением. Передав штаб одному из товарищей, я вместе с прибывшим офицером устремился к отряду на Финляндский вокзал. Уже сгущались сумерки, когда среди вагонов, на одном из запасных путей, мы разыскали долгожданный отряд форта Ино.

На открытых платформах рельефно выделялись поднятые к небу дула орудий. Оказывается, товарищи привезли с собой две трехдюймовых полевых батареи, то-есть целых восемь орудий. Какая радость! Комиссаром отряда был молодой, но толковый, служивший на форту Ино, солдат крепостной артил-

лерии, которого я знал по Кронштадтскому Совету, где он состоял членом нашей фракции. Командир отряда — прапорщик запаса, средних лет, веселый и добродушный, производил впечатление „отца-командира". Он абсолютно ничего не понимал в политике, но честно следовал за своими солдатами, и они его очень любили. Он отправлялся воевать против казачьих банд Керенского-Краснова в том настроении возбужденной приподнятости, в котором ехали на фронт империалистической войны кадровые офицеры. Я заявил, что поеду вместе с отрядом на фронт, и распорядился, чтобы эшелон был перекинут на Московско-Виндаво-Рыбинскую жел. дорогу. Долгое время нам не подавали паровоза. Очевидно, действовал „викжелевский" саботаж. Наконец, поздно вечером паровоз прицепили, и мы поехали. Очень медленно и с частыми остановками наш поезд передавался по соединительной ветке, включавшей финляндскую дорогу в общую сеть российских железных дорог. Глубокой ночью мы приехали на Большую Охту и остановились перед большим железнодорожным мостом. Предстояла передача состава на противоположный берег Невы.

В наш вагон третьего класса, тускло освещенный огарками, вошел железнодорожный служащий и спросил начальника эшелона. Ему указали на меня. „Мною только что получена по телеграфу служебная записка, с категорическим приказанием развести мост, чтобы задержать ваш состав,— заявил железнодорожник,—но я этого не исполнил. Я знаю, что вы за рабочих. Пускай потом меня за это повесят, но через мост я вас все-таки пропущу". Мы крепко пожали руку честному товарищу и от души поблагодарили его за преданность пролетарскому делу.

5. На Пулковском фронте.

Едва мы успели задремать, как нас разбудили. Оказывается, эшелон прибыл на пересечение соединительной ветки с линией, ведущей в Царское Село. За окнами еще стояла густая тьма. Выйдя из вагона, мы направились в партийный районный комитет Московской заставы. Несмотря на ранний час, так как дело происходило перед рассветом, в райкоме шла оживленнейшая работа. Почти весь райком был на ногах. Здесь распределялось оружие, выдавались патроны, формировались красногвардейские части, отдавались распоряжения. Одним словом, это был крупный тыловой штаб. Мы узнали, что положение на фронте—без перемен. Красновские казаки продолжали занимать Царское, но мы по прежнему удерживали за собой Пулково, где в настоящее время находился наш боевой штаб. Прибытие орудий сильно подняло настроение товарищей из райкома. Я попросил перевозочных средств для поездки в Пулково за боевым приказом. Комитет охотно предоставил небольшой грузовик. У меня не было патронов для браунинга. Заведующий вооружением, пожилой рабочий, немедленно достал из шкафа две аккуратных, кубической формы, коробочки с 25 патронами в каждой. Комиссар остался с отрядом, а командир взгромоздился ко мне на грузовик. Вместе с нами поехали в штаб двое членов райкома.

Дорога была грязная, скользкая, липкие комья земли разлетались во все стороны из-под колес автомобиля. Рассвет застал нас уже в пути. Полевой штаб помещался в одноэтажном деревянном доме, внутри которого большая комната была перегорожена невысоким барьером; очевидно это здание принадлежало казенному присутствию или почтовой

конторе. В комнате, на полу лежали, подостлав под голову шинели и полушубки, солдаты и красногвардейцы; около них стояли прислоненные к стенке винтовки. Перешагнув через целую вереницу спящих тел, мы проникли за барьер и подошли к деревянному столу, на котором коптела убогая керосиновая лампа и беспорядочно были разбросаны об'едки черного хлеба, остатки скудного, наспех проглоченного ужина. За столом, посреди которого была развернута карта, бодрствовал Вальден. Напротив него, облокотившись на руку, дремал тов. Дзевалтовский. При нашем появлении он, вздрогнув, проснулся. Трудно сказать, какую роль он выполнял в штабе. Возможно, что он был приставлен к Вальдену в качестве комиссара; но так как функции комиссара и командира в то время были неразграничены, то он зачастую вмешивался в оперативные приказания. Вальден в этом случае сконфуженно умолкал. А впрочем, скорее всего он был назначен Военно-Революционным Комитетом в качестве помомощника Вальдена или начальника его штаба.

Как бы то ни было, они оба обрадовались приходу на фронт двух батарей. Видно, в артеллерии была большая нужда. Собрав подробные сведения о нашей части, об ее боеспособности, о наличном запасе снарядов, Вальден дал боевой приказ об установке орудий на Пулковских высотах. Снова усевшись на автомобиль, мы двинулись обратно. В пути нам пришлось принять первое боевое крещение. Едва только мы выехали из села на открытое место, нас принялась обстреливать неприятельская батарея. Первые снаряды давали солидные перелеты, которые постепенно стали уменьшаться; затем, следующее облачко шрапнели появилось возле самого шоссе, отмечая собой маленький недолет. Было

ясно, что мы захвачены в „вилку". По „целику" также стрельба велась правильно. Я стал ожидать „попадания". Но в этот момент пушка замолкла. „Еще один выстрел, и мы все склонили бы головы",— произнес прапорщик, командир отряда.

Делясь впечатлениями, мы незаметно в'ехали в рабочее предместье Питера. Все жители Московской заставы были на ногах. Жены рабочих торопливо шли за провизией или спокойно стояли у ворот, с любопытством наблюдая необычное оживление. Красногвардейские отряды с развернутыми знаменами один за другим спешили на фронт. На улицах встречались только пожилые рабочие. Лишь изредка попадались молодые парни. Почти вся боеспособная рабочая молодежь была под Царским Селом.

Снова—райком, деловитая, несуетливая спешка, расспросы о положении дел на фронте. Члены райкома высказали мнение, что если войска Керенского войдут в Питер, то придется их встретить на баррикадах, перенеся борьбу на улицы города.

Прибывшие с форта Ино товарищи, собравшись в поход по-военному, не захватили с собой ни одной смены белья и сильно страдали. Они обратились ко мне с соответствующей просьбой. Я отправился в огромные интендантские склады, расположенные за Московской заставой, но главный комиссар этих складов тов. Лазимир отсутствовал. Без него раздобыть чистое белье, к сожалению, не удалось и товарищам пришлось итти на фронт в чем они были. Тем временем наши орудия тронулись в путь по Царскосельскому тракту. С каждым оборотом колес их лафетов на душе становилось легче.

Вскоре, в рабочий штаб района Московской заставы пришел Сима Рошаль. Нужно было спешить в Пулково. На старом грузовике мы двинулись в

путь. В дороге, незадолго до наступления сумерек, нам встретился Волынский полк, самовольно ушедший с позиции. Он шел вразброд, длинной лентой растянувшись по краю шоссе. „В февральскую революцию был первый, а сейчас последний" — невольно мелькнуло у меня в голове. Сима не имел определенного назначения, а поэтому немедленно слез с грузовика и остался призывать солдат к возвращению на позиции. Как я узнал впоследствии, его миссия увенчалась успехом.

Прибыли в Пулково. Батареи устанавливались на склоне пулковских холмов, довольно круто спускающихся в сторону Кузьмина и Царского Села. Еще в момент установки наша артиллерия была обстрелена орудийным огнем неприятеля. Пришлось срочно отпрячь лошадей с передками, а трехдюймовые пушки ввести в активное действие. Всеми операциями, до управления огнем включительно, руководил лихой командир батареи. Удачные попадания опытных артиллеристов форта Ино, с одной стороны, и наступившая темнота, с другой, быстро прекратили эту преждевременную дуэль. Командир-прапорщик заметно повеселел и в приподнято-бодром настроении радовался успехам истекшего дня. Тут же на фронте, я услышал рассказы о героических подвигах отряда моряков, сражавшегося на фронте под командой нашего старого кронштадтца, матроса службы связи В. М. Зайцева. Здесь же на позициях, кто-то сообщил глубоко взволновавший меня слух, упорно циркулировавший в тот вечер на Пулковском фронте. По этой версии, Троцкий и Луначарский только что приезжали в Пулково, причем передавались даже такие детали, что их автомобиль снаружи был отделан соломенной плетенкой. И будто на обратном пути вблизи автомобиля разорвался

снаряд, причем тов. Луначарский был убит наповал одним из осколков, попавших ему в голову, а тов. Троцкий едва успел уехать, отделавшись только потерей шляпы.

Обилие красочных деталей придавало рассказу правдоподобный вид. Подобно многим другим, я поверил этому слуху и оплакивал погибшего товарища. Велика была моя радость, когда на следующий день я воочию увидел живого Луначарского. Очевидно, подобные легенды сознательно фабриковались врагами, с целью создания паники и уныния в наших рядах. Под тяжелым впечатлением этого слуха, мы покинули Пулковские позиции и вошли в какую-то крестьянскую избу. Наступление ночи давало нам передышку до раннего утра. Поужинав солдатскими мясными консервами, мы вповалку легли спать на полу и на крестьянских полатях.

С раннего утра, 31 октября, славным батареям форта Ино пришлось отбивать атаки неприятельской кавалерии. Красновским казакам не только не удалось захватить наших позиций, но им, вообще, пришлось с потерями отступить в исходное положение.

Около полудня встретил одного из кронштадтских артиллерийских офицеров—тов. Юрьева. Он пригласил меня пить чай к себе в избу, в которой он остановился. Старик-крестьянин, владелец хорошо сколоченной избы, при виде разрыва падавших поблизости снарядов, кряхтя, проворчал: „Господи-боже, какие ужасы! И когда только все это кончится?“ —А вот, разобьем Керенского, тогда и кончится,— задорно ответил я. Старик горестно покачал головой. Этот „кулачек“, видно, слабо разбирался в политике, но, дрожа за свою шкуру и свое добро, искренно желал прекращения боевых действий, или, по крайней мере, их перенесения в другое, более

отдаленное место. Однако, никакой вражды со стороны крестьян не замечалось,—быть может, из боязни нашей вооруженной силы. Наоборот, в эти дни кулачество прилежащих к Питеру деревень, скрывая свои истинные настроения, из кожи лезло вон, чтобы оказать нам гостеприимство. Нечего и говорить, что крестьянская беднота, особенно в лице своей молодежи, не только за страх, но и за совесть была на стороне Советской власти.

После полудня, на фронт приехал из Питера тов. Подвойский. Шел промозглый дождь. Шоссе было покрыто непмоверной грязью. Я встретил тов. Подвойского, когда он, шагая через лужи, пробирался в штаб. Николая Ильича сопровождало несколько офицеров-большевиков, активных членов нашей „военной организации". Он приехал в Пулково для наблюдения за ходом операций, так как около этого времени был назначен Военно-Революционным Комитетом на должность командующего войсками. Пробыв некоторое время в штабе, Подвойский, в виду срочности дел, ожидавших его в Смольном, должен был вернуться. Немного позже я также поехал в Питер.

Ранним утром 1 ноября, я уже возвращался в Пулково.

Еще под'езжая к Пулкову, я узнал, что в течение ночи и раннего утра красновские казаки по своей инициативе эвакуировали Царское Село. Поэтому нужно было спешить использовать победу. Я направился выяснять судьбу наших батарей. Оказалось, что они стоят на старых позициях. Я приказал им срочно передвинуться вперед и выбрать себе место по ту сторону Царского Села, в направлении к Павловску. „Есть"!—по морскому ответил командовавший батареями прапорщик. По пути в Царское я видел

массу убитых казачьих лошадей, лежавших по краям дороги; трупов людей не попадалось, очевидно, их успели убрать. В самом Царском я застал штаб в полной мере функционирующим в своем старом штабном помещении.

За недостатком работников товарищи попросили меня остаться в штабе. Тогда еще не было определенных должностей и строго разграниченных функций, а каждому приходилось одновременно заниматься несколькими делами. Если где-нибудь оказывалось пустое место, то туда автоматически втягивался первый подвернувшийся под руку товарищ, и, несмотря на этот недостаток правильной организации, несмотря на отсутствие у каждого из нас административного опыта, работа спорилась гладко и дружно. Политический инстинкт и революционный энтузиазм подсказывали нам то или иное решение, даже в незнакомых вопросах. И, несмотря на то, что наша работа часто переплеталась до такой степени, что порою несколько товарищей совершенно непроизводительно выполняли одно и то же дело, никаких недоразумений не происходило.

Я затрудняюсь точно классифицировать характер моей работы и круг выполнявшихся мною обязанностей, по размеру не ограниченных никакими пределами полномочий; это не была даже работа начальника штаба. А, между тем, целый ряд товарищей, вопреки основным положениям военной науки, выполнял тогда аналогичные обязанности, приближающиеся к функциям начальника штаба. Пожалуй, вернее всего сказать, что это был штаб с коллективным управлением. Однако, вообще, очень трудно обозначить определенным военно-техническим термином должность, тогда занимавшуюся каждым из нас.

Если сейчас товарищ расставлял на позициях вновь прибывшую на фронт артиллерию и командовал ею, то в следующий момент он уже проверял пехотные окопы, затем стремглав летел в штаб, и если там в нем была неотложная нужда, то он оставался некоторое время на посту штатного работника и, наконец, во главе какого-нибудь наспех сформированного отряда отправлялся на новый участок фронта, на боевую работу. Каждый член партии тогда буквально кипел и не имел ни одной свободной минуты. Деятельность каждого большевика на фронте была поистине летучей. Туда, где острее всего ощущалась какая-либо невязка, где образовывалась зияющая прореха, туда сейчас же с молниеносной быстротой бросались большевики и энергичнейшей, напряженнейшей, можно сказать, нечеловеческой работой быстро восстанавливали пошатнувшееся положение.

Мы открыли оперативное совещание для обсуждения плана дальнейших действий. В процессе жарких прений оформилось два совершенно определенных мнения. Группа, возглавлявшаяся товарищем Дзевалтовским, стояла против немедленного наступления, полагая, что первоначально необходимо произвести сосредоточение сил и путем разведки выяснить расположение и численный состав неприятеля.

Напротив, Рошаль и я категорически требовали немедленного наступления по горячим следам противника, считая, что главная задача заключается в том, чтобы не дать противнику оправиться и получить свежие резервы. По нашему наблюдению, сил у нас было достаточно и наши массы не только не были утомлены, но, как раз наоборот, в буквальном смысле этих слов, нетерпеливо рвались в бой. Большинство склонилось на нашу сторону и приняло

решение о переходе с рассветом в решительное наступление по всему фронту. Совещание закончилось глубоко за полночь. До рассвета оставалось мало времени: всего несколько часов. Нужно было в экстренном порядке проводить в жизнь принятое решение о подготовке наступления.

Хороший обычай боевых приказов в ту пору еще не существовал. Распоряжения отдавались путем устных приказаний или записками, зачастую бегло набросанными карандашом. Наши кронштадтские батареи уже стояли на аванпостах Царского Села. Я готовился выехать к ним, чтобы с рассветом двинуться в поход. Но не успели еще разойтись участники военного совещания, как вдруг в нашу накуренную, до самого потолка заполненную дымом комнату поспешно вошли, почти вбежали двое молодых людей в военных шинелях. Один из них, вольноопределяющийся, с выхоленным барским лицом, отрекомендовался каким-то князем с громкой фамилией. „Гатчино в руках Советской власти. Казаки сдались. Краснов арестован. Керенский бежал. В Гатчине находится Дыбенко“ — короткими отрывистыми фразами, весь запыхавшийся от волнения, рапортовал титулованный вольноопределяющийся.

Кто он? Свой или чужой? Сочувствующий или испуганный интеллигент или скрытый белогвардеец? В тот момент это было неважно. Из груди многих присутствующих вырвался радостный вздох облегчения. Все были в каком-то праздничном настроении. На лицах было заметно нескрываемое ликование.

За отсутствием пристанища, мы с Д. З. Мануильским направились для ночлега в Александровский дворец. В просторных покоях дворца еще все дышало недавним присутствием семьи Николая Ро-

манова. Валялись визитные карточки высокопоставленных особ. Отрывной настольный календарь показывал давно прошедший день. Возможно, что со времени от'езда царской фамилии листки никем не отрывались. Мы легли спать, воспользовавшись диванами, предоставленными в наше распоряжение гостеприимно-услужливым комендантом дворца, назначенным Советской властью.

6. На помощь красной Москве.

Утром 2 ноября, уже с комфортом, в вагоне железной дороги я возвратился в Питер.

В комнате военревкома застал К. С. Еремеева, Н. И. Подвойского и др. Они спали прямо на стульях.

— Вот и хорошо, что вы пришли,—сказал, подымаясь, тов. Подвойский, — вам придется сегодня принять командование над отрядом моряков и ехать на поддержку московских товарищей. Там еще продолжаются бои, и положение, знаете, неважно. Вот Константин Степанович тоже поедет вместе с вами,— после минутной паузы прибавил Николай Ильич.

В комнате С. И. Гусева встретил А. В. Луначарского, который имел встревоженный вид.

— Как я рад вас видеть в живых, Анатолий Васильевич! Ведь, знаете, на фронте ходили упорные слухи о вашей гибели,—обратился я к нему.

— Это пустяки,—с волнением ответил тов. Луначарский, — что значит жизнь отдельного человека, когда здесь культурные ценности погибают? В Москве разрушен снарядами храм Василия Блаженного. Это гораздо хуже...

В его словах слышалась неподдельная горечь.

Вечером, я вместе с Ильиным-Женевских был на Николаевском вокзале. Здесь уже находились Еремеев, доктор Вегер (отец), тов. Пригоровский и др. Кроме отряда моряков, в Москву отправлялся один из квартировавших в Выборге полков, под командой полковника Потапова. Это был 428-й Лодейнопольский полк. Сводный отряд уже погрузился в вагоны и весь эшелон стоял совершенно готовым к отправке у пассажирского дебаркадера; но еще не был подан паровоз.

Я прошел в вагон третьего класса, где помещался штаб отряда моряков, и сообщил гельсингфорскому матросу-партийцу, тов. Ховрину, о моем назначении в качестве начальника отряда моряков. Он с полной готовностью передал мне „бразды правления". Мы условились, что он будет комиссаром отряда. В ту пору должность военкома не имела никакой ясности. Тогда комиссар понимался просто как ближайший помощник начальника. Когда комиссар был приставлен к беспартийному спецу, он осуществлял не только политический контроль и, в случае разногласий, считал себя вправе вмешиваться в оперативные распоряжения командира. На почве неясных отношений здесь нередко возникали конфликты. Но комиссар при партийном начальнике был совершенно определенной величиной и в полной мере выполнял функции его непосредственного помощника.

Кроме Ховрина, из наиболее видных моряков в отряде состояли: анархист Анатолий Железняков, получивший известность в связи с дачей Дурново и позднее благодаря его случайной роли в роспуске учредительного собрания,—кронштадтец, член нашей партии Алексей Баранов и матрос Берг.

Нужно сказать, что анархизм во флоте почти никакого влияния не имел, и даже те немногие моряки, которые называли себя анархистами, по крайней мере в лице своих лучших представителей, были анархистами только на словах, а на деле ничем не отличались от большевиков. На практике они самоотверженно с оружием в руках отстаивали Советское правительство, и, например, славный, удивительно симпатичный тов. Железняков погиб геройской смертью на Южном фронте в борьбе за рабоче-крестьянскую власть. Анатолий Железняков еще до моего назначения занимал должность ад'ютанта отряда и после моего вступления в командование по-прежнему продолжал числиться в этом звании. Но фактически он был одним из равноправных членов руководящей группы нашего коллегиального штаба.

К ней присоединялись: А. Ф. Ильин-Женевский и левый эсер, прапорщик Незнамов, вместе с которым в 1912 году мне довелось сидеть в „предварилке".

Посовещавшись с товарищами-моряками по поводу организационных вопросов, я вышел на платформу. Паровоз еще не был прицеплен, и наш поезд выглядел, как безголовая гусеница. Железнодорожная аристократия, сосредоточенная в „Викжеле", изо всех сил тормозила отправку нашего отряда. Нам даже пришлось арестовать начальника движения и применить репрессивные угрозы по адресу других путейских администраторов. Вдруг ко мне подошел один незнакомый железнодорожник и, отрекомендовавшись машинистом (кажется, Машицким), заявил о своем беззаветном сочувствии пролетарскому делу и об'яснил, что задержка с подачей паровоза является результатом саботажа железнодорожников, находящихся под влиянием соглашательского „Викже-

ля". Преданный революции товарищ с готовностью предложил свои услуги машиниста. „Я берусь достать паровоз. Всю ночь спать не буду, а уж доставлю вас в Москву",—заявил он решительным тоном в котором чувствовалась глубокая убежденность. Конечно, я стремительно ухватился за это ценное предложение, выводившее нас из состояния неопределенного и в высшей степени томительного ожидания.

В самом деле, не прошло и одного часа, как впереди нашего состава появился густо дымивший, вполне готовый к отправке паровоз. Едва только сцепка была закончена, как раздался мягкий толчок, и платформа с вокзальными зданиями и железнодорожными пристройками медленно поплыла нам навстречу.

Матросский отряд шел головным. На паровозе находилось двое вооруженных матросов.

С каждой минутой мы приближались к об'ятой восстанием Москве, где судьба пролетарской революции еще не была окончательно решена. Эта мысль невольно настраивала на воинственный лад. Всем морякам нестерпимо хотелось сломить сопротивление приверженцев буржуазного режима, и в предвкушении неизбежных боев, разговоры вращались вокруг происходящих революционных событий. Велика была злоба и ненависть всех без исключения моряков против врагов пролетарского строя. Буквально каждый матрос рвался в бой и с огромным, едва сдерживаемым нетерпением ожидал решительной встречи с врагом. Разговоры с моряками поистине доставляли неиз'яснимое наслаждение: их каждое слово было густо насыщено бодрым духом непреклонной отваги и борьбы, обвеяно ароматом героической революционной эпохи. Пылкий революционный энтузиазм, безграничная преданность рабочему классу

и страстное желание во что бы то ни стало добиться победы, на-ряду с высоко-развитым классовым самосознанием и ясным, правильным чутьем интересов пролетариата и смысла обострившейся политической борьбы,—все это, вместе взятое, создавало из матросов превосходный боевой материал. Недаром в первый период Октябрьской революции, до момента сформирования регулярной Красной армии, на всех фронтах республики, отряды моряков на-ряду с фабрично-заводской молодежью, составившей ядро Красной гвардии, были основным оплотом молодой и неокрепшей власти Советов.

Отведя душу в разговорах с моряками, я прошел в вагон, где ехали тт. Еремеев и Вегер. Они представляли собой наше „начальство", так как стояли во главе всего сводного отряда, состоявшего из моего отряда моряков и еще из 428-го Лодейнопольского пехотного полка, специально вызванного из Финляндии, находившегося под командой военспеца Потапова. Однако наши отношения меньше всего напоминали какую бы то ни было „табель о рангах". Мы представляли собой одну тесную и дружную компанию; мы понимали друг друга с полуслова, все решения принимались сообща. Никто никому не приказывал: каждый сознавал свой партийный долг и без всякого принуждения сам торопился его выполнить, как можно скорее и как можно лучше. Не военная субординация, а узы товарищеской солидарности и коллективное управление определяли собой весь строй наших взаимоотношений. Конечно, такая система была возможна только в начальный период кустарного строительства партизанских отрядов, до тех пор, пока, наконец, в гражданскую войну не были втянуты миллионные массы, потребовавшие правильной и четкой организации, в строгом соответствии с принципами военной науки.

7. В погоне за белым броневиком.

На каждой станции спешили на телеграф, где производили выемку всех входящих и исходящих телеграмм. Разбором депеш преимущественно занимался К. С. Еремеев, который затем сообщал нам извлеченные этим способом сведения, сколько-нибудь стоящие внимания. В телеграфном отделении, на станции Тосно мы таким образом перехватили одну очень важную служебную депешу, сообщавшую о движении от Новгорода к Чудову бронированного поезда. Мы тотчас покинули Тосно, чтобы перехватить его. Но когда наш отряд достиг Чудова, то оказалось, что блиндированный поезд, перейдя с новгородской ветки на Николаевскую жел. дорогу и взяв направление на Москву, уже был далеко впереди. Нами тотчас была отправлена телеграмма в Акуловку и Бологое о задержании вражеского поезда. В то же время нужно было неимоверно торопиться. Перед нами неожиданно выросла новая задача захвата бронированного поезда, очевидно, спешившего на помощь нашим врагам.

Мы попросили машиниста развить максимальный ход, чтобы скорее настичь неприятеля. Но бронированный поезд временного правительства также не терял времени. Делая короткие остановки и то лишь на больших станциях, он на всех парах летел в Москву.

На станции Акуловка, мы получили сведения, что бронированный поезд задержать не удалось, что он укомплектован ударниками, имеет при себе ремонтную партию и великолепно снабжен необходимыми ремонтными материалами. Между прочим, тут же открылось любопытное обстоятельство: оказалось,

что белогвардейцы в панике удирают от нас. По крайней мере, на вокзале они с тревогой рассказывали, что за ними гонятся 5.000 матросов, которые хотят их перерезать. В действительности, нас моряков, было только 750 человек. „Скоро ли будет Москва?"—в волнении спрашивали они железнодорожников. Тут же, в Акуловке, какой-то станционный служащий, повидимому, „викжелевец", с нескрываемым раздражением жаловался мне, что наша погоня за броневиком прерывает нормальное движение поездов и сбивает заранее составленный график пути. Я невольно улыбнулся этому наивному брюзжанию по поводу того, что революция не укладывается в график движения Николаевской железной дороги, и решительно потребовал ускорить отправку нашего эшелона.

Уже в темноте мы прибыли в Бологое. Здесь, в виду наличия больших железнодорожных мастерских, отношение к нашему эшелону было гораздо более благожелательным. Нам сообщили, что белогвардейский броневик был в Бологом задержан, но сравнительно недавно прорвался, свернув на Полоцкую ветку. Посовещавшись, мы единогласно решили продолжать наше преследование, тем более, что дистанция между обоими поездами все время заметно сокращалась. Бологовские железнодорожники приложили все усилия, чтобы не задержать наш состав. Почти без остановки на этой крупной узловой станции мы были переведены на Полоцкую ветку и тронулись дальше. Через несколько верст тт. Еремеев, Вегер и другие сошли на одном полустанке и организовали здесь полевой штаб. Мы продолжали двигаться по следам неприятельского броневика. Уже было поздно. Стояла звездная ночь. Мы шли по-боевому, с потушенными огнями. Для безопасности

паровоза он был прицеплен в самом конце, и, таким образом, подталкивал наши вагоны сзади. В голове состава были поставлены две открытых платформы с установленными на каждой из них двумя 75-миллиметровыми морскими орудиями. Комендоры-матросы, в напряженном ожидании боя, словно застыли у заряженных пушек. Мы медленно шли на сближение. Справа от полотна виднелись повисшие книзу ряды телеграфных проводов. „Ага, мерзавцы решили оборвать нашу связь со своим тылом",—промелькнуло у меня в голове. Было заметно, что толстая проволока обрезана мастерски, с полным знанием дела и с помощью специальных инструментов. Так мы достигли четырнадцатой версты от Бологого.

Стоя на передней орудийной площадке и зорко всматриваясь в окружающую со всех сторон темноту, я вдруг замечаю, что впереди, на повороте, чернеет какой-то длинный бесформенный силуэт. Я даю машинисту сигнал о замедлении хода. Наш поезд приближается к злополучному месту все тише, все медленнее. Наконец, не доходя нескольких сот шагов до неопределенного силуэта, который, наконец, приобретает совершенно отчетливые контуры поезда, я приказываю остановиться. Несколько человек добровольно вызываются пойти на разведку. Я составляю делегацию из трех человек и отправляю их в лагерь противника, а сам с нетерпением жду подхода наших главных сил. Мы, находившиеся в авангарде на своем импровизированном броневике, представляем собою незначительную горсть людей. Отряд моряков, следующий за нами другим эшелоном, застрял где-то позади. Его отсутствие заставляет нас волноваться.

Наконец, возвращаются. Оказывается, что солдаты из расположенного впереди села Куженкина на большом расстоянии разобрали путь и тем самым пре-

градили путь блиндированному поезду ударников. Он оказался в ловушке, так как сзади него стоял поездной состав, сформированный из одних классных вагонов, где помещалась команда броневика. Наконец, дальше вплотную подошел наш „бронированный" поезд, состоявший, как было сказано выше, из двух открытых платформ, вооруженных четырьмя орудиями и шестью пулеметами.

Вместе с ними приходит делегация от ударников в составе двух солдат во главе с офицером. Я провожаю делегацию в вагон и вступаю с ней в „дипломатические" переговоры.

Вся наша задача сводится к тому, чтобы в ожидании матросского отряда выиграть время и до его прибытия не открывать военных действий. Едва выговаривая слова от волнения, делегаты ударников, спеша и перебивая друг друга, рассказывают о том, что их поезд идет с Гатчины на германский фронт, так как он решил принять „нейтралитет" и воздержаться от участия в гражданской войне. Таким образом выясняется, что это тот самый броневик, который участвовал в боях под Александровской и нанес нам серьезные потери. Вероятно, его снарядом была убита и Вера Слуцкая. Ударники рассказывают, что их отправили на царскосельский фронт под предлогом усмирения беспорядков „черни" и хулиганов. „Но когда мы разглядели, что против нас идут такие же солдаты, как и мы сами, — говорит офицер, — когда мы увидели солдатские шинели, то сразу поняли, что введены в заблуждение и решили отправиться обратно на фронт, чтобы продолжать войну с немцами". Однако, выбор Николаевской железной дороги, как кратчайшего пути между фронтом и Гатчиной, кажется нам подозрительным; мы без труда разоблачаем эту версию, хотя ударники и пытаются

устранить явное противоречие весьма натянутым и мало убедительным об'яснением, что около станции Дно был разобран путь, вследствие чего им якобы волей-неволей пришлось повернуть на Старую Руссу и Новгород. Переходя к конкретным предложениям, ударники просят только одно: предоставить им свободный пропуск на фронт для борьбы с немцами. На словах я не противоречу. Напротив, я говорю, что им, вероятно, будет дана возможность вернуться в ставку, куда, по их словам, они направлялись.

Тем временем, к нашей неописуемой радости, подходит матросский отряд. Обстановка резко меняется. Я немедленно даю морякам приказ о выгрузке из вагонов и затем, захватив с собой тов. Берга и еще одного моряка, отправляюсь вместе с делегатами ударников к их броневику. Недалеко от него нас окликает стоящий на часах ударник. Я с любопытством осматриваю поезд. Он состоит весь из классных вагонов. „Ого, хорошо живется ударникам"! Невольно напрашивается сравнение их эшелона с нашим, где только штаб занимает вагон третьего класса, а все остальные товарищи-моряки помещаются в простых, лишенных комфорта, теплушках.

Наконец мы поравнялись с боевыми вагонами. Это были роскошные, оборудованные по последнему слову техники, обшитые толстой броней гигантские „черепахи"; из их отверстий выглядывали жерла двух трех-дюймовых орудий и шестнадцати пулеметов австрийской системы. Посреди двух грозно возвышавшихся бронированных вагонов стоял зашитый в броню паровоз. Разумеется, открытое сражение в равных условиях с таким чудовищем-левиафаном было нам не под силу. Он разнес бы в щепы наши кустарно вооруженные орудиями товарные вагон-площадки. Возвращаюсь обратно к отряду, где

меня с нетерпением ждут. Ударники не чинят никаких препятствий. Вообще, среди них чувствуется большая растерянность.

В виду перерезанных проводов, связи со штабом, т.-е. с тт. Еремеевым и Вегером, у нас нет. Поэтому приходится самостоятельно обдумывать вопрос: что делать дельше? Разумеется, решающее значение имело то обстоятельство, что солдаты воинской части, расположенной в селе Куженкино, получив предупреждение о приближении ударного броневика, на протяжении нескольких верст сняли рельсы. Значит, вперед он проскочить не может, а сзади, непосредственно примыкая к его последнему вагону, стоят наши „броневые" площадки с наведенными на него дулами 75-миллиметровых пушек. Повидимому, это невыгодное положение прекрасно вооруженного белогвардейского броневика, очутившегося между двух огней, и привело в панику его личный состав. Матросы настаивают, что броневик ни в коем случае нельзя выпускать из рук. Я вполне с ними соглашаюсь. Упустить такую добычу и представить броневику возможность бесчинствовать в другом месте— было бы непростительной ошибкой.

Тов. Берг вызывается итти на „дипломатические" переговоры. Я придаю ему еще двух ребят, и „мирная делегация" готова. Я напутствую Берга указаниями: его задача состоит в том, чтобы выступить перед солдатской командой броневика и вынудить ее к сдаче. В случае упорства ударников, следует пред'явить ультиматум, что если они не сложат оружия, то через полчаса мы открываем огонь, и броневик будет захвачен с бою. „О, я им покажу! В таком случае придется пугнуть их террором"!—весело басит Берг и от избытка боевого чувства засучивает правый рукав своего бушлата, обнажая сильную,

жилистую руку. Мы смеемся и провожаем Берга, пока, наконец, его коренастая, приземистая фигура не пропадает в ночной темноте. Я возвращаюсь в вагон и от усталости вытягиваюсь во весь рост на деревянной скамье третьеклассного вагона, положив голову на колени одного из товарищей. Едва я успеваю погрузиться в глубокий сон, как вдруг пробуждаюсь от сильного стука. Оказывается, это Алексей Баранов от радости пустился в пляс. Только что вернувшийся Берг, взволнованно разглаживая усы, усталым, охрипшим голосом рассказывает, что белые приняли ультиматум и сдались.

Мы стремительно бросаемся к ударному броневику. Тотчас разоружаем всех офицеров и об'являем их арестованными. Затем, нагибаясь в дверях, мы входим внутрь бронированных куполов и назначаем свою прислугу к орудиям и пулеметам. Желающих много—каждому лестно работать на таком прекрасном броневике. Поражаемся совершенством его технического оборудования. Особенное любопытство привлекает локомотив, весь одетый в броню, словно рыцарь в средневековые латы. Выясняется, что командир бронепоезда и часть офицеров, тотчас после решения солдат о добровольной сдаче, трусливо бежали в лес. Они избрали плохую долю. Почти все бежавшие офицеры были переловлены солдатами Куженкинского гарнизона и расстреляны ими, тогда как все беспрекословно сдавшиеся на милость победителей были под конвоем отправлены в Питер, в распоряжение Военно-Революционного Комитета, и их жизнь была вне опасности. Составлявший команду бронепоезда ударный железнодорожный батальон насчитывал около 150 человек,—из них 30 офицеров.

Уже светало, когда, присоединив к нашему поезду захваченный трофей, мы поехали назад в Бологое.

На том полустанке, где расположился наш штаб, захватили тт. Еремеева, Вегера и других. Они от души нас поздравляли. До Бологого я ехал в броневой коробке захваченного ударного поезда. Товарищи-моряки производили учет винтовок, обнаруженных в огромном количестве. На этом же перегоне к нам в бронированный вагон вошла группа матросов нашего эшелона и преподнесла мне в подарок оружие— красивую шашку в серебряных ножнах, захваченную как трофей, в купэ бежавшего командира бронепоезда. Недавние подчиненные беглеца рассказали, что эту шашку он получил лично от Николая за то, что однажды, стреляя из орудия, сбил немецкий аэроплан.

В Бологом мы стояли недолго. Нужно было отправить пленных белогвардейцев в Питер и переменить паровозы для дальнейшей поездки в Москву. Прекрасно настроенные железнодорожники Бологого снова постарались нас не задержать. Для того, чтобы лучше выспаться, я выбрал себе одну из теплушек, где топилась железная печка, и улегся вповалку с товарищами. В Вышнем Волочке я был разбужен: мне сообщили, что меня вызывает к телефону из Питера тов. Рязанов. Я прошел к железнодорожной телефонной будке. Громко, ясно и медленно выговаривая каждое слово, тов. Рязанов передал мне последние политические новости, касавшиеся московских событий. Он сообщил, что между советскими войсками и белой гвардией заключено соглашение, на основании которого военные действия прекращаются и белая гвардия разоружается. Было ясно, что Октябрьская революция восторжествовала не только в Питере, но и в Москве. Я чуть не крикнул „ура“ в телефонную трубку. Оторвавшись от нее, я побежал в поезд, чтобы сообщить товарищам радостную

весть. Все воодушевились, хотя еще было неясно, насколько прочно закреплена в Москве наша победа и в какой степени устранена перспектива возобновления дальнейших боев на московских улицах.

На станции Клин, уже поздно вечером кто-то в военной шинели торжественно оповестил нас, что командующим войсками Московского округа назначен солдат Муралов. Хотя никто из нас в то время его еще не знал, эта весть вызвала всеобщее ликование. Доверие внушало не имя Муралова, а его солдатское звание. Медленно подвигаясь вперед, на рассвете мы достигли Москвы.

▭ ▭ ▭

Оглавление.

Стр.

1. Смольный 3
2. Фронт не защищен 8
3. Ильич на боевом посту . . 11
4. Кронштадтский отряд 14
5. На Пулковском фронте 20
6. На помощь красной Москве 29
7. В погоне за белым броневиком 34

Цена 20 коп.